БИЗНЕСМЕН-ПАТРИОТ

Издательство литературы на
иностранных языках
К Н Д Р
110 чучхе (2021)

БИЗНЕСМЕН-ПАТРИОТ

Издательство литературы на
иностранных языках
К Н Д Р
110 чучхе (2021)

Сон Дэ Гван

(29 августа 1912 г. – 11 января 1994 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взяться за перо, говорят, не всякому дано. Но нарушить эту аксиому побудило меня отнюдь не какое-то особое прожитое мною или какое-то блестящее литературное дарование.

Как-то раз, помнится, ко мне пришел молодой журналист и сказал, что хочет писать книгу о моем отце. В ту минуту я остановилась на мысли: лучше бы мне самой изливать свою душу, как она есть, даже если это получится не так уже великолепным, чем попросить других «блестяще» описывать услышанное от меня. И еще мне в голову пришла мысль: на свете много книг о матери, а об отце – мало.

Это побудило меня смело взяться за перо – я думала: хотя у меня нет авторского умения, но получится кое-что, если напишу правдиво, без никаких прикрас и вымыслов. Хотелось писать, конечно же, не для того, чтобы осыпать похвалами моего отца.

Всю жизнь он был на ногах, бегал и бегал, чтобы зарабатывать денег. «Не успеешь сегодня – завтра уже поздно» – от этих отчих слов у меня уши трещали с далеких детских лет.

Отец мой в памяти моей в детские годы – неутомимый трудяга, который не успеет, как говорится, оглянуться назад из-за нехватки времени.

Спрашивается: что дало моему отцу, простому человеку, бывшему частному предпринимателю, всю жизнь старавшемуся больше зарабатывать денег, овеять свой жизненный путь славой патриота? В своих записях мне хотелось бы рассказать читателям, как свершился перелом в жизни моего отца, оставшегося не более чем простым бизнесменом.

Сон Сон Хи

СОДЕРЖАНИЕ

1. МОЙ ОТЕЦ 4

Сын буддийского монаха 5

Под лучами Солнца 17

2. НЕ ОГЛЯНИСЬ НАЗАД 33

На пункте поворота в судьбе 34

И на склоне лет 43

3. БЛАГОСЛОВЕННАЯ ЖИЗНЬ 58

ПОСЛЕСЛОВИЕ 69

1. МОЙ ОТЕЦ

С малолетства я «монополизировала» любовь отца к детям. У него детей было семеро, но отец больше всех любил меня. Не знаю почему: от того ли, что я была самым последним из них или я во многом была похожа на него. Куда бы он ни пошел, он охотно взял меня с собой.

Когда я начала понимать мирские дела, мой отец часто мне сказывал поучительные слова, скажем: «Любые дела ни делай – занимай первое место», «Время раз пройдет – не вернется» и т. д., связывая их со своими делами прошлого, – и я могла познавать одну за другой все подробности прошлого у отца и глубоко затаенную в нем «тайну жизни», о которой даже не могли знать мои старшие братья. «Тайна жизни», о чем я здесь говорю, не означает, что мой отец скрывал следы какого-то потрясающего события или таких ужасных дел, как человекоубийство и разбойничество. Он был отнюдь не таким человеком, который скрывал что-то в дебрях жизни. Он даже не любил носить с собой денежный кошелек. О какой-то тайне у него речь не могла идти.

У него, занятого делами, не было и хоть ни минуты оглянуться назад. Овладели им только одни думы о проводимых и предстоящих

делах, и на это не хватило времени.

Кое-кто, может быть, думает так: мой отец Сон Дэ Гван – сын имеющего большие деньги и имущество бизнесмена или толстосума. Но мой отец де-факто был сыном буддийского монаха, который в верхней рубашке черного, как тушь, цвета с широкими рукавами, с четками на шее, стучал в деревянную колотушку со словами: «Слава Будде Амитабе!» И это связано с дивной игрой судьбы, и мне придется с этого начинать рассказ о моем отце.

Сын буддийского монаха

Было это в середине XIX века. В уезде Хвэдок корейской провинции Чхунчхон в бедной крестьянской избе родился сын. Бедность тяжкая, но ребенок был радостью семьи, с годами все рос мальчиком. Но радость в семье не была долгой – родители, к несчастью, ушли из жизни, оставив только детей.

Осиротевшего мальчика с сестрой постигла участь бродяги. Беда одна не ходит: несчастный странник, мальчик, лишился и сестры. Бедняжку, безнадежного, носили ноги до Хянсана провинции Северный Пхёнъан. Мальчик, больной и истощенный от голода, больше не мог шагать и повалился у обочины дороги. Тут его, умирающего мальчугана, увидел буддийский монах, ходящий

собирать подаяния, и повел несчастного в храм. Вот этот мальчик был моим дедушкой Сон Гён Хваном. Итак, мальчику было суждено быть буддийским монахом. Время текло неудержимо, и вот мальчик уже стал стариком, которому перевалило за 60.

В каком-то году весной мой дедушка проходил в селе Чанхын уезда Сукчхон. Он, не выдержав неутолимую жажду, просил питьевой воды у женщины, которая у родника мыла рис. Она белоснежной рукой аккуратно очистила нижнюю часть черпака от воды и подала его гостю. Тут он сразу влюбился в нее. В то время моему деду было 63 года.

После неодолимая страсть к ней дала ему осмелиться вернуться к бренности человеческого существования, о чем говорят в кругах буддизма. Потом он за копленные деньги купил землю и фруктовый сад. У них родились две дочери, а затем родился сын в году, когда моему деду было 68 лет. Вот этот сын – мой отец Сон Дэ Гван (29 августа 1912 г.). О радости моего деда не скажешь – ведь на склоне лет жизни у него появился милый сынок. Он этому так обрадовался, что ходил по домам и спрашивал у всех: «Не найдется ли у вас меда?» Когда дед ходил по домам достать мед, соседи не без усмешки спрашивали: «Чего тебе мед?.. Опять у тебя ребенок, что ли?» «Нечего говорить, в этот раз мальчик», – отвечал он с широкой улыбкой, словно ожидал такого вопроса.

От того ли, что с самого начала судьба моего отца стала такой необычной, и любовь моей бабушки к нему тоже была необычной. У нее были уже трое сыновей, но она, вышедшая замуж за монаха, покинувшего буддийский храм, больше любила самого младшего сына. Так сильно любила его за то, что он с малолетства отличался незаурядным умом.

Когда мой отец окончил начальную школу, моя бабушка направила его в далекий Нёнбён на учебу в Сундокской средней школе. А в третий год обучения он получил от нее срочную весть: «Немедленно вернись домой и получи в наследство имущество». В то время бабушка имела небольшой фруктовый сад, оставленный дедушкой, но доходы от сада растрачивали на азартную игру сыновья прежнего мужа. И она была вынуждена возложить последнюю свою надежду на самого младшего сына, умного и честного.

И моему отцу пришлось бросить учебу в средней школе и, вернувшись домой, начал заниматься торговлей. Весь капитал в его руках – 40 яблонь. Каким образом выручить из них деньги и увеличить полученный капитал – это целиком зависело от моего отца.

Он в отличие от сводных братьев, завзятых картежников, занимающихся лоточной торговлей, пошел на другой выбор. Они раньше продавали яблоко в районе Синичжу, а он – в Канге, при-

том почти вдвое дороже. В глубинном районе севернее Канге яблоко было очень редким фруктом. Вырученные деньги он ни копейки напрасно не тратил, а отдал моей бабушке. Сколько денег он заработал, было неизвестно, у него денег – хоть пруд пруди, что моя бабушка, каждый день с нетерпением ждавшая его на дороге перевала, увидев его, так удивилась, что спрашивала: «Откуда ты взял такие большие деньги? У кого-то не украл, что ли?» Он был довольно строгим в режиме экономии. Не заходил ни в закусочную, ни в трактир, жалел денег даже на одну штуку булочки с фасолью. Однако это не значит, что он был копеечной душонкой. Ни одной копейки не расходовал на личную роскошь или неприбыльное дело. Старик Гранде из романа Бальзака «Евгения Гранде» глубокой ночью украдкой веселился звоном сталкивающихся друг с другом монет в мешке, и это было для него единственным блаженством в жизни. Но отец мой зарабатывал денег, я бы сказала, ужас сколько, но отлично знал их адрес (Об этом подробно скажу в следующем).

Первая негоция у отца получилась удачной. Отец, казалось бы, отличался каким-то незаурядным талантом бизнесмена. С увеличением капитала он приложил руку и к разного рода оптовой торговле, начал аккуратно закладывать фундамент для дела будущего бизнесмена. Одним из важных моментов при этом

было то, что он в 1935 году женился на Ким Тхэ Бок, дочке священника, которая стала моей матерью.

Мой дедушка по материнской линии Ким Ин Гу в молодости служил солдатом охраны королевского дворца. После насильственного роспуска японскими империалистами корейской армии он при посредничестве кого-то окончил Восточнопхеньянскую духовную семинарию и имел профессию священника.

В такой семейной обстановке росла моя мать – по натуре тихая, чистая и добросердечная. Дочь, окруженная заботой отца, священника, росла спокойно, без особых житейских перипетий. Когда шли разговоры о будущем спутнике по жизни, она пошла в село Чанхын, где он находился, и качала головой. Ей все не понравилось – и непривычная жизнь в деревне, и парень – торговец. Тут же девушка собиралась вернуться в Пхеньян. Ей путь преградил парень. Здесь дал о себе знать его характер: что-нибудь ему понравится – он ничуть не замедлит свершить его. В этом сказались характерные черты бизнесмена, сочетавшего в себе ум и решительность.

– Ладно, поедем в Пхеньян, – сказал он. – Все здесь тебе будет не по душе – я уйду с тобой. Продам для тебя все – и землю, и фруктовый сад!

В ту минуту, как я знала это позже, девушка, ни слова не мол-

вив и легко опустив голову, только краем обуви ковыряла землю под ногой. У него губы толстые, лицо смуглое и прямоугольное, но его настоящий мужской характер – ведь он в мгновение принял решение важнейшего вопроса на всю жизнь – быть может, невидимой веревкой крепко связал девушку чистой души.

Итак, судно жизни моих родителей стояло на якоре в Пхеньяне. Как мне кажется, их бракосочетание чем-то похоже на свадьбу моих дедушки и бабушки. Так сын монаха и дочь священника, дети буддиста и христианина наравне друг с другом начали делать шаги к одной цели – бизнесу. Окидывая мысленным взором их поездку того дня в Пхеньян, я невольно испытываю на себе какое-то странное чувство. Какими словами выразить мое душевное настроение, сама не знаю. Очень жаль, что я человек не на стезе литературы.

Его поездка того дня в Пхеньян открыла ему новый широкий простор. Сначала в районе Тэпхёна он создал рисоочистительную фабрику, а затем увлекся оптовой торговлей. Его предпринимательство день ото дня шло в гору. Рост капитала, широкое знакомство – и он слыл завидным бизнесменом.

Но его слава не держалась долго: в разгаре шла война на тихоокеанском театре военных действий. День ото дня все ужесточались грабительские акции японских империалистов в отношении

корейского народа. Самураи во все горло кричали: «Капля горючего – капля крови», и, жестоко выжимая из корейцев последние соки, заставили их производить масло даже из клещевины и сосновых смол. И предпринимательство отца не было исключением – день за днем оно хворало, и отец мой был в отчаянии.

В ту самую пору освободилась Корея (15 августа 1945 г.), что привело к драматическому перевороту в судьбе отца. Вся страна кипела восторгом. Каждый день люди вышли на улицы, демонстранты скандировали: «Да здравствует освобождение Родины!» Повсеместно пели и танцевали. Везде проходили собрания, митинги под открытым небом, собеседования, на которых известные и неизвестные ораторы во весь голос сказывали, каким путем должна идти новая Корея. То было время, когда каждый выдавал себя за героя и патриота. Пользуясь этим, неблагонадежные элементы, даже реакционеры под маской «патриота», «революционера» выкрикивали «диктатуру пролетариата». В вихрях суматохи у моего отца радость освобождения не длилась долго. Ходили страшные слухи: мол, компартия будет ликвидировать всякий капитал, не будет «моего» и «твоего», все станет «общим достоянием». И те, кто ловко обернулся «начальниками органов безопасности», «начальниками отряда самоохраны», угрожали, шантажировали имущих, сажали их в кандалах в за-

стенках. И мой отец постепенно начал отдаляться от знакомых.

Гуляли слухи: арестован и врач Ли Бён Хун, хорошо знакомый отцу. За то, что он, мол, «прояпонский элемент», который, имея частную больницу, жил, как говорится, на широкую ногу, да и его жена – японка.

И мой отец не мог выйти сухим из воды – весь город облетела весть о том, что он, частный предприниматель, загребал лопатой кучи денег. Поговорка гласит: «Нет дыма без огня». Не думано, не гадано, однажды ворвался в его дом на обыск завотделом инспекции – он же, говорят, до освобождения страны служил инспектором в Пхеньянской налоговой службе – вместе с вооруженными людьми. Тот грозил: «Отдай спрятанное золото и список имущества. Компартия, знаешь, начисто ликвидирует всех – как помещиков, капиталистов, прояпонских молодчиков, так и частных предпринимателей».

Страна освобождена, но везде беспорядок, неразбериха.

Тревожная ситуация вынудила моего отца решить бежать на Юг, в Сеул, там развернуть бизнес. Он снял в аренду две моторные лодки, погрузил их до отказа цементом и жидкими тянучками – и айда! Взял с собой, конечно, и спрятанный кусок золота. Судна стояли на якоре в порту Инчхон, а потом пошел к давно хорошо знакомому коллеге. При его помощи собрал поденщиков

и достал грузовик, чтобы перевезти грузы в Сеул. И там ему во многом помогли друзья.

Ба! Тут нагрянула неожиданность. Американская военная администрация, засевшая в Южной Корее взамен японских империалистов после освобождения страны, объявила ордер на арест – мол, он незаконно прибрал к своим рукам т. н. «вражеское имущество». К счастью, ему помог друг скрыться в мансарде в каком-то переулке. В то время американская военная администрация под видом сбора «вражеского имущества» конфисковала даже и огромное количество имущества частных лиц, с угрозой заявив: к расстрелу – тех, кто трогает медикаменты, машины и оборудование, цемент, порох и другие материалы, принадлежавшие ранее японцам.

Судить да рядить с ними, кто виноват и кто прав, было невозможно. Друг отца советует: «Чуть что ты попадешь в тюрьму. Уходи отсюда». Он думал: «Куда бежать? На Север? Ведь оттуда я бежал». И на освобожденной родной земле мне придется куда-то бежать и притаиться». Отцу закрыт путь вперед.

К тому времени ходили слухи о том, что скоро приедет в Сеул Ким Ир Сен, который с триумфом вернулся на Родину, и люди охвачены волнением и восторгом. Создан «Подготовительный комитет по встрече с Полководцем Ким Ир Сеном», председате-

лем которого был Хон Мён Хи. Каждый день на Сеульский вокзал хлынули сотни тысяч жителей города, конечно же, и мой отец. Вдруг в толпе он замер – увидел на стене объявление полиции о розыске «преступников», на котором была и его фотография. Там было написано, что мой отец, увы, «агент», по распоряжению Севера направленный на Юг. Стало ясно, что намереваются арестовать моего отца. От досады и гнева он бил кулаком на землю и себе в грудь. Но некуда жаловаться. Как ни кинь, а все клин!

Однажды к отцу в чердак торопливо влез друг и кричит: «Сон, сойди быстро! Живо!»

«Теперь всему конец!» – думал отец. В его голову пришла мысль: «Враги понюхали мое местонахождение. И вот они набросятся!» Внизу люди зашумели. Отец мой в отчаянии спустился вниз вслед за другом. Ему, объятому страхом, все собравшиеся, глядящие на него и с громким смехом шумящие, показались, как позже он сам признался, полными злобы полицейскими, взявшими в руки веревки и кандалы. Когда он опомнился, оказалось – внизу много людей шумели и с громким смехом ждали передачи пхеньянского радио. Сообщили, скоро в эфире передается выступление Ким Ир Сена, посвященное его триумфальному возвращению на Родину. Мой отец вместе с другими спешно занял свое место.

И вот слышится его историческая речь. Это было 14 октября

1945 г. Мой отец, затаив дыхание, внимательно слушал его выступление. Когда Ким Ир Сен призвал всем активно содействовать государственному строительству: у кого есть силы – силами, у кого знания – знаниями, у кого деньги – деньгами, у моего отца с глаз вылились горячие струйки слез.

При каждом воспоминании о том незабываемом дне мой отец с большим волнением говорил: «Прямо скажу, в глазах стало светло. Будто бродящий в кромешной тьме вдруг встретил светлые лучи солнца. Вам, детям моим, трудно будет понять все это. Можно понимать только тем, кто сам испытывал это. Жаль, что только одними словами не могу выразить это. Слушая его выступление по радио, я только проливал слезы, к горлу подступил горячий комок. Не знаю, как выразить мое чувство того дня…»

Да, это, правду сказать, было полным любви и доверия призывом ко всем людям, широко открывшим двери в их сердца, было словно маяком, осветившим новой Корее путь вперед.

И в тот день мой отец не только проливал слезы. Он твердо решил: «Пойду! Пойду в Пхеньян! Скорее! Внесу хотя бы маленькую долю в дело государственного строительства». Это побудило его встать на путь на Север. Вначале он хотел поездом добраться до Кэсона. А затем передумал: полицейские со снимками «преступников» будут разглядывать каждому пасса-

жиру лицо. Среди этих снимков для розыска был и мой отец. И он, изменив маршрут, переправился на остров Канхва. Там он ждал часа отлива морских волн и переплыл море. Что побудило его принять такое дерзкое решение? По-моему, несомненно, выступление Полководца Ким Ир Сена по радио, вышеупомянутый его призыв дали ему выбрать путь на Север. В тот день, насколько мне известно, моего отца сопровождал до острова Канхва его коллега, который, прощаясь с моим отцом, со слезами сказал: «Доброго пути, братец Сон!»

Так два друга-бизнесмена разлучились друг с другом: один на Севере, а другой на Юге. Интересно, о чем они в ту минуту думали. Они, наверное, вовсе не могли предвидеть, какая судьба – или счастливая, или горькая – ждет каждого из них. Впоследствии, даже в смертный час мой отец не мог знать о судьбе не только того коллеги, со слезами провожавшего его в рискованный путь, но и других знакомых по делу на юге страны. Если они были бы живы, то в их памяти восстановилась бы поездка моего отца в Сеул, о чем написано в моих записях.

Под лучами Солнца

Первая весна после освобождения страны тихо подходила, внушая людям светлую надежду.

Мой отец с риском для собственной жизни плавал по морю, вернулся в Пхеньян и снова вел предпринимательство. Он начал свое дело с производства карандашей.

«В освобожденной нашей стране везде появятся школы, там будут учиться многочисленные дети, – думал он. – Чтобы учиться грамоте, нужны карандаши. Карандаш – это хотя небольшая вещь, но сейчас весьма дорог и необходим». Отец считал этот маленький карандаш, как говорится, чашей весов, на которую положена его судьба. Были и сырье, и материалы. На товарных железнодорожных станциях – горы бревен, срубленные на лесоразработках Кореи, что оставили японцы при бегстве после своего поражения.

Однажды при возвращении с товарной станции его застал дождь. Тут ему улыбнулась судьба. Он под крышей дома вместе с другими ждал, когда перестанет дождь. Три человека среди них, безработные, поговаривали друг с другом. О том, как найти работу. Они были столяром, токарем и изготовителем углеродного стержня, работавшим на электромеханическом заводе. «Слава богу! С этими людьми сейчас же могу делать карандаши», – крикнуло как будто сердце обрадованного отца. И те, выслушав рассказ отца, согласились с ним вместе работать.

Сначала арендовали здание на Западном районе (в то время) города Пхеньяна, создали там рабочее место, купили деревообрабатывающий станок и вентилятор, приняли 8 рабочих и привезли из Канге графит. Спустя немного, наконец, был освоен выпуск карандашей. Дали продукции марку «Самчхолли» («Три тысячи ли»), которая означает раскинувшуюся на три тысячи ли Корею. В то время никто не мог знать, что с этим маленьким карандашом «Самчхолли», отражающим душу простых людей, будет овеяна славой жизнь моего отца.

В то время ежедневный объем выпуска карандашей на фабрике – 300 штук. Весть об этом начала распространяться, и на фабрику, пока еще не имевшую названия, приходили много гостей.

Об этом доложили Ким Ир Сену. Это моему отцу и даже во сне не снилось.

О карандаше «Самчхолли» первой доложила ему, как выяснилось впоследствии, героиня антияпонской войны Ким Чен Сук. Она сказала, что сначала сама поедет на предприятие, и она вместе с юным Ким Чен Иром посетила небольшую карандашную фабрику, что у берега реки Потхон. Начатое моим отцом карандашное производство принесло столь большую радость Ким Ир Сену, как об этом можно узнать из воспоминаний сопровождавшего их в тот день работника.

3 февраля 1946 года было судьбоносным днем во всей жизни моего отца. К полудню он вышел из фабрики. Видит: у большой дороги

останавливается легковая машина. Из нее выходит молодой человек и подходит к фабрике. Мой отец не узнал, что он – Ким Ир Сен, которого почитают все корейцы, как Солнце нации. Человек высокого роста, в однобортном костюме черного цвета, распахнув полы пальто, размашистыми шагами подходит к нему. Яркий блеск глаз, светлое лицо, впечатляющая ямочка на щеке – все, что у него, необыкновенное. Хозяину фабрики казалось, что где-то его видел. Он стоит, затаив дыхание. Молодой человек спрашивает: **«Будьте добры, это карандашная фабрика?»** В ответ: да, здесь. Послушав его, гость спрашивает далее: не знаете, где Сон Дэ Гван? Мой отец удивился – спрашивающий знает его имя!

– Я Сон Дэ Гван, – тихим голосом отвечает мой отец.

– **Очень приятно с вами увидеться, товарищ Сон Дэ Гван,** – говорит молодой человек, широко улыбаясь.

Лишь тогда мой отец все понял. Светлое лицо, широкая улыбка, зычный голос, блеск глаз, привлекательность личных качеств… Вот он, Полководец Ким Ир Сен! Перед глазами моего отца, казалось бы, что-то блеснуло. Сердце у него полно чего-то. И когда Ким Ир Сен тепло взял ему руки, он, весь охваченный хлынувшим волнением, с увлажненными глазами не мог как следует поздороваться.

Сильное душевное потрясение, как позже он сам сказал, затрудняло его даже дышать.

Ким Ир Сен обращается к хозяину фабрики:

– Пришел посмотреть, как делают карандаши. Давайте пойдем на участок работы.

Да и то сказать: фабрика называется заводом, но рабочее место в пыли от порошка графита и угля.

Ким Ир Сен, светло улыбаясь, направляется к рабочему участку, где слышатся звуки машины. Хозяин фабрики не мог не следовать за ним.

Ким Ир Сен, долго осматривая участок работы, подошел к месту, где рубанком обрезывают оболочку карандаша, говорит:

– Здравствуйте! Делаете хорошую вещь.

Затем он спрашивает: сколько рабочих? Узнав, что 8 человек, он снова обращается с вопросом к хозяину фабрики:

– Какова производственная площадь фабрики?

Мой отец ответил: около 350 кв. м. Слушая его ответ, Ким Ир Сен направляется к механизированному пазнику, образующему канавку на стволе карандаша для вложения в нее графита. Глядя, как действует механизм, он опять спрашивает:

– Откуда достаете древесины и графит?

– Привозим лесоматериалы из разных районов в Канге и используют графит также из Тонбанского рудника в Канге, – отвечает мой отец.

Гость, узнав, что ствол карандаша делают из липы, дает совет хозяину фабрики:

– Ствол карандаша можно делать из кедра корейского.

Далее он спрашивает:

– Сколько карандашей производятся в день?

Узнав, что выпускают 1500 штук, он говорит:

– У нас в стране много графита. Как хорошо, что мы своими руками делаем карандаш, используя сырье, которым изобилует наша страна. Кангеский графит лучше, чем другой.

Взяв один карандаш и глядя на него, он продолжает:

– Когда мы боролись в горах, партизаны учились грамоте с использованием песка из-за нехватки такого карандаша. Карандаш очень ценный. Вернувшись на освобожденную Родину, я беспокоился о карандаше, а Кан Рян Ук осведомил меня о производстве карандаша на этой фабрике, и я с радостью приехал.

Далее он предложил вместе идти к месту, где изготовляют стержень карандаша. Мой отец сказал, что показать то рабочее место нельзя, потому что там грязно, а Ким Ир Сен говорит:

– Вы говорите, что там грязно. Но это не проблема, ведь мы приехали посмотреть, как делают карандаш. Не беспокойтесь, – затем он направляется к участку производства стержней.

На участке работы он, поздоровавшись с рабочими, которые перед угольной сушильней обжигали стержни карандаша, говорит:

– Надо соорудить электропечь вместо угольной сушильни.

Внимательно глядя на медленно выходящие из станка стержни карандаша, он говорил моему отцу и рабочим:

– Именно вы, товарищи, скромные патриоты. Решить вопрос карандаша – это не простой чисто деловой вопрос, а очень важный политический вопрос, что касается успешного осуществления строительства новой, демократической Кореи. Вследствие японской политики колониального порабощения лишь на Севере Кореи число неграмотных превышает 2,3 млн. человек. Нам надо обучать миллионы наших дорогих детей, при этом самый наболевший вопрос – это карандаш. В прошлом наши люди при жестоком режиме японских империалистов страдали в тяжком труде и не могли учиться грамоте. Но им очень хотелось давать своим детям карандаши, послать их в школу. У нашего народа было такое горячее желание, как крестьянская мечта на всю жизнь пахать плугом собственную землю в своей родной стране и свободно заниматься земледелием. Нам следует сделать такое желание наших людей явью. Не должно быть помехи в обучении наших детей из-за отсутствия карандашей.

Мой отец создал и пустил в ход карандашную фабрику, но он, правду сказать, не имел уверенности в перспективе предприятия на будущее. А Ким Ир Сен в тот день лично приехал на эту фабрику

и оценил труд отца как скромного патриота, за доброе дело. Он добавил: карандашное производство – это не простой чисто деловой вопрос, а дело важное, от которого зависит будущее страны и ее процветание. Он своими сердечными словами вдохновил моего отца на активное участие в строительстве государства.

Далее он медленно шагает в участок отделочной работы. Там пахло связующим клеем и лаком. Однако, несмотря на это, он подходит к рабочему-лакировщику. Рабочий сделал ему глубокий поклон. Ким Ир Сен берет один на горке карандашей разного цвета и внимательно разглядывает его. Он говорит: попробую точить карандаш, – и просит у сопровождавшего работника ножика. Мой отец быстро преподнес ему ножик. Ким Ир Сен сам пробует точить карандаш и пишет им на записной книжечке. Жесткий стержень не дает ему четко писать буквы.

– Карандаш в чем-то имеет недостаток, но получилась, я бы сказал, удача. В смысле того, что его сделали корейцы своими силами, – радостно говорил Ким Ир Сен.

Отец мой с увлажненными глазами взирает на него.

Ким Ир Сен, кладя свою руку на плечо собеседника, вдохновенно говорит:

– Поговорка у нас в стране гласит: «С первой ложки не сыт». Непрерывное приложение усилий приведет к выпуску

хороших карандашей.

Мой отец говорит:

– Впредь буду выпускать хорошие карандаши.

Послушав моего отца, Ким Ир Сен спрашивает:

– Скажите, пожалуйста, как вы реализуете выпущенную продукцию?

В те дни карандаши брали торговцы из разных провинций, но не был удовлетворен их спрос. За ним не успевало производство продукции. Послушав это, он спрашивает:

– Какой помощи вы ожидаете от государства для увеличения производства карандашей?

Мой отец отвечает:

– Нам нужен один грузовик. И прошу разрешать нам рубить лес корейского кедра в районе Канге и отвести под корпус нашего завода здание фабрики по засолке редьки в квартале Кёнрим, которая работала при японцах.

Выслушав эту просьбу, он обещает:

– Государство даст вам крупное заводское здание, решит проблемы автомобиля, электропечи и других разных видов оборудования. В районе Канге для вас выделятся лесосеки, решится проблема с графитом. Прошу вас впредь больше выпускать хороших карандашей и по своему желанию заниматься также другим видом предпринимательства.

В тот день он дал моему отцу и рабочим ценные советы, проявил большую заботу о них и покинул фабрику, когда прошло немало послеобеденного времени. Мой отец, глубоко волнованный, долго и долго следил за уходящей машиной, пока она не исчезла из виду.

20 февраля 1946 г. Ким Ир Сен созвал историческое I заседание Временного Народного Комитета Северной Кореи (ВНКСК), на котором в качестве одного из пунктов повестки дня был поставлен вопрос о карандашах. Впоследствии он сказал: следует ясно знать о том историческом заседании, о том, какие усилия прилагала наша партия для решения вопроса карандаша с первых же дней после освобождения страны по сей день. В те годы, когда мы в горах вели вооруженную борьбу, продолжал он, мы даже не думали, что после освобождения Родины серьезно встанет вопрос, например, о карандашах. Он с глубоким волнением вспоминал, что в первые дни после освобождения страны для ликвидации многочисленных неграмотных насущно нужны были карандаши, а в ту пору в стране не было карандашной фабрики, и после создания ВНКСК на его первом заседании был поставлен в качестве одного из пунктов повестки дня и обсужден вопрос о карандашах.

Так Ким Ир Сен после освобождения страны, несмотря на столь большую занятость делами строительства обновленной Родины,

придал большое значение вопросу о маленькой вещи – карандаше. А как раз в поле внимания отца был этот вопрос.

Когда-то я спросила отца: «Почему ты интересовался карандашом?» Он улыбнулся и ответил: «Потому что я в нем видел деньги». Сказал он: «Видел деньги!» Разве он и в карандаше видел деньги? Конечно, нет такого бизнесмена, который не умеет видеть перед собой деньги. В то время отец со слезами добавил: «Ким Ир Сен в своей речи призвал всех содействовать государственному строительству: у кого есть силы – силами, у кого знания – знаниями, у кого деньги – деньгами. Послушав его речь по радио, я чувствовал, что перед моими глазами открыт широкий горизонт. И я с риском для собственной жизни решил переплыть через море».

16 апреля 1946 года Ким Ир Сен узнал от Кан Рян Ука, секретаря ВНКСК, о том, что карандашная фабрика пока еще не получила грузовик, советовал ему распределить грузовик прежде всего на ту фабрику, даже если от этого не получится другим подразделениям. После он снова вызвал к себе того секретаря и советовал – до сегодняшнего дня обязательно прислать грузовик на карандашную фабрику и передать моему отцу свою просьбу о надлежащей эксплуатации фабрики для повышения качества продукции и увеличения ее производства.

Для фабрики моего отца Ким Ир Сен выделил лесосеки в горах Ога в провинции Чаган, разрешил использовать графит одного из

рудников и послал новый грузовик. Кроме того, он сам взял на себя все капиталовложения в предпринимательство моего отца.

Мой отец создал карандашную фабрику просто ради собственной наживы. Всего-навсего он думал отдать государству часть заработанных денег. Моего отца, бизнесмена, оторванного от денег, быть не могло. Однако он, окруженный заботой, доверием и вниманием Ким Ир Сена, превратился от прежнего корыстолюбивого бизнесмена в патриотического предпринимателя, сохраняющего национальную совесть. Глаза его, видевшие только деньжата, стали смотреть вперед на славный путь к настоящей человеческой жизни. И он мог идти по широкой, ровной дороге жизни.

Спустя немного ежедневно на Пхеньянскую карандашную фабрику, что на берегу реки Потхон, говорят, нескончаемым потоком шли люди со всех концов страны. Некогда было послать карандаши в магазины: прямо на фабрике покупатели брали товары мешками, чемоданами, узлами. Рос объем производства продукции, за день сложилась гора карандашей. Столько же накопилось и денег. Но мой отец перенес эту карандашную фабрику в Канге и передал ее той периферии. Раньше оттуда приходилось перевозить главные материалы и сырье, такие, как древесина, графит и др. И фабрика перенесена ближе к месту производства, исходя из государственных интересов.

Зато он взялся за стеклодувное и резинотехническое дело. К тому

времени он узнал, что Ким Ир Сена беспокоит нехватка стеклянных изделий, обуви и других товаров большого спроса населения.

И созданы стекольный и резинотехнический заводы. Бизнес этот был для него неизведанным, но он, собрав опытных рабочих и технических работников, начал выпуск продукции. И в этот раз он набил себе большую мошну. Прибыль принес вышеуказанный большой спрос на товары. Спрос родил деньги. Вырученные деньги снова родили новые. Дело в том, что укрупнение масштаба производства и увеличение его объема сопровождались ростом спроса на продукцию. Мой отец, образно говоря, сидел на горке денег.

Тут запрашиваются вопросы: не взмутили ли снова эти большие деньги глаза отца? Не связали ли его по рукам, не возвратили ли его эти деньжата к прошлому?

И без того к нему приходили «советчики» всех мастей. Среди них был и такой, который, показывая ему вескую рекомендацию, говорил: «Пойдем на Юг, в Сеул. Забудь этакий бывший ордер на арест, поданный американской военной администрацией. Вон из головы. Это, знаешь, было недоумением. По доносу какого-то типа черной души. Был бы ты, Сон, на Юге – стал бы нуворишем. Давай рука об руку займемся там большим делом».

Но мой отец кисло усмехнулся и отказался от его «совета». Душа его в другом мире, которым она вся очарована. В мире морального

долга – жаром сердца оправдать доверие и любовь великого человека.

И он оставался непоколебимым и в суровые дни войны, которая была для него последним экзаменом. Варварские налеты вражеских стервятников, пулеметный обстрел с воздуха, временное стратегическое отступление Народной Армии, зверская резня…

Враги как попало арестовали, безжалостно убили всех, кто сохранял верность своей нации и по велению сердца поддерживал КНДР, кем бы они ни были, – и верующих, и предпринимателей, и медиков. Они соблазнили: «Скажи только одно слово против КНДР, и ты избежишь смерти». Да, это было суровым испытанием, проверкой твердости убеждения и верности чувству долга. Пришлось выбрать один из двух путей: или роскошная жизнь, или смерть. Но моего отца взяла мысль: его выбор – верность Родине, она отнюдь не путь к смерти. Он верил: будь великий Полководец Ким Ир Сен – будет победа. И он, поддерживая высокие помыслы вождя, несмотря на смертельную опасность, всеми силами старался внести свой вклад в победу на войне. Под бомбежками вражеской авиации часто он купил продовольствие, чтобы помогать рабочим военных заводов и пострадавшим от войны. Чтобы не остановился стеклозавод, он, невзирая на воздушные налеты противника, не покинул предприятие. Завод дал разные виды шприца и флакона, необходимых фронтовикам, миллионы штук электроламп. Резинотехнический завод дал стране большое количество

обуви и других резиновых изделий. К концу войны мой отец переместил этот завод в Кэсон. Причину впоследствии он объяснил так: «Знаешь, я хотел, чтобы под носом врагов первым валил дым из трубы нашего завода. Ну, посмотри, враг! И в руинах жива, дышит наша Республика, ведомая великим Полководцем Ким Ир Сеном! Посмотри вон – как валят клубы черного дыма! Так я хотел бы кричать на весь мир!» И в самый разгар войны в Кэсоне дымились трубы завода. Ясно, о чем думали враги, посмотрев на облака дыма. Мой отец считал это одним из самых славных дел, которыми он мог бы гордиться в своей жизни.

При каждом воспоминании об этом он с крепко сжатыми кулаками взволнованно громким голосом рассказывал. Я, к сожалению, не видела, как валил черный дым из трубы того завода. При мысли об этом я обрисовываю перед своими глазами образ отца, который, образно говоря, сжигая кучи деньжат, зажигает искру своих убеждений. Так мой отец, частный предприниматель, стал бизнесменом-патриотом, который посвящает свои материальные прибыли делу дальнейшего укрепления идейной убежденности нашего народа. После окончания войны отец передал этот завод в распоряжение Кэсонского городского народного комитета. Итак, то, чего он пожелал, свершилось.

Вспоминая о тех днях, мой отец говорил: «В то время, честное слово, мы не чувствовали усталости. Мы твердо верили: мы, ведомые великим Полководцем Ким Ир Сеном, непременно победим. И, естественно, мы за каждое дело взялись с большим рвением».

В годы войны он за свои большие деньги приобрел продовольствие, обмундирование и другие предметы для нужд фронта. Кроме того, он пожертвовал огромную сумму денег в фонд помощи фронту.

Вот его денежные пожертвования по старой валюте:

в августе 1950 г. – 300 тыс. вон,

в декабре 1951 г. – 350 тыс. вон,

в декабре 1952 г. – 1,5 млн. вон,

в апреле 1953 г. – 3 млн. вон,

итого: 5,15 млн. вон.

Его патриотическому поступку обрадовался Ким Ир Сен. В один из августовских дней 1953 г. он снова принял моего отца. Он, пожимая руки моему отцу, вежливо отдающему поклон, высоко оценил его со словами: в дни войны, наверное, у вас немало было мук. Мне сказали, что вы, товарищ Сон Дэ Гван, несмотря на трудные условия войны, пожертвовали в фонд помощи фронту миллионы вон. Молодец! Какое это похвальное дело!

Смущенный его высокой оценкой, собеседник просто не находил себе места.

Ким Ир Сен с улыбкой на лице спрашивает: скажите, пожалуйста, что побудило вас ежегодно пожертвовать такие большие деньги на по-

мощь фронту даже и в трудных условиях военного времени?

О своих неизменных твердых убеждениях, запечатленных в глубине сердца в суровые дни войны, мой отец рассказывал:

– Спасибо Вам. Я думал: будет Родина – будет и ценность частного имущества. Будь гора золота у раба, лишенного Родины, но к чему она? Ни к чему!

Ким Ир Сен, очень довольный его ответом, говорил: Активную поддержку фронту – материальную и духовную – оказывали патриотические предприниматели, такие, как вы, товарищ Сон Дэ Гван, все люди страны, и мы могли одержать победу в войне.

В ту минуту моему отцу казалось, как он сам сказал, будто приобрел весь мир. Он весь был охвачен таким большим волнением, что у него в ушах даже слышалось биение своего сердца.

Да, он, право же, приобрел весь мир. Ценой своего пламенного патриотизма он приобрел мир любви, доверия великого человека, что невозможно покупать даже за целую гору золота. Хотя он, не сумев сказать во всеуслышание о найденной им самим истине жизни, ушел из жизни, но сегодня я, его дочь, вместо него имею честь рассказать о ней всем людям.

2. НЕ ОГЛЯНИСЬ НАЗАД

На свете легкого дела не бывает. По чьей воле – чужой или твоей – будешь работать, – вот в чем собака зарыта. Обводишь черед – тебе труд тяжкий. Руки горят – и трудное становится легким.

Люби свое дело! К месту ли это выражение, сама не знаю, но я хотела бы выразить не иначе – только так. Любишь свое дело – от него не устаешь.

«Не говори – трудно!» – эти отчие слова я с детства наслушалась до боли в ушах. Если память не изменяет, то впервые это я слышал от отца, когда мне было 8 лет. В то время отец, дав мне возраст на один год больше, послал меня в хореографическое отделение Пхеньянского художественного училища (название того времени).

В то время шла работа над музыкально-хореографической поэмой «Славная наша Родина». И мои сверстницы были в творческом составе, конечно, вспомогательном. Нашей наставницей была знаменитая танцовщица Чвэ Сын Хи – такая строгая и, я бы сказала, жестокая, что я после танцевальных движений каждого дня чувствовала себя без ног – вянула, как листья обваренной капусты. И тогда каждый раз отец повторял мне, как припев песни, «Не говори – трудно!» Так он, возможно, сжато выразил опыт и урок всей своей жизни, как извест-

ное всему миру изречение: «Кто не работает, тот не ест». По правде говоря, отец любил свое дело. «Раб своего дела», по-моему, означал бы ужас большого любителя своего дела. Сейчас я в своих записях мысленным взором окидываю прожитую моим отцом жизнь – мне думается, что для него самым суровым испытанием была война, самым трудным для него периодом был послевоенный.

На пункте поворота в судьбе

Камня на камне не осталось, все лежало на пепелище. И заводы отца были разрушены дотла. Трехлетняя война превратила все на родной земле в руины. На месте рухнувших стен возводить новые и сложить трубы из собранных кирпичей, покрыть здания крышей и штукатурить стены – не проблема. Самое главное – снова задействовать машины и оборудование. Но все предприятия страны разрушены. Откуда-то взять моторы и электродвигатели? Дело это даже невообразимое.

При этом мой отец проявил необыкновенную бизнесменскую находчивость. Понаслышке он узнал, что во время войны в море перед Вонсаном потоплено несколько кораблей. После этого он почти каждый день выходил на реку Тэдон научиться плаванию. Взяв с собой обед, пошел на реку. От зари до зари он то нырял, то барахтался в воде.

То было время, когда весь Пхеньян кипел ритмами послевоенного восстановления и строительства. Так, на стройках грузчики – в то время они несли кирпичи на спине – с целой «горой» грузов бегали и бегали. И это их не устраивало. А тут фабрикант, всем широко известный, целый день играет на воде! Как же этому не удивляться всем! Тем более, что это не кто иной, как неутомимый трудяга! Люди шушукались: «Батюшки мои! Он свихнулся!» И даже его соседи, приветливо здоровавшиеся по утрам и по вечерам, при встрече с ним хлопали глазами, говорят, не зная, как держаться перед ним.

А спустя немного у него на плечах появилась странная вещь. Ба! Там было что-то вроде шлема богатыря из сказки старины, были резиновые сапоги да комбинезон. Так «тяжеловооруженный» ходит на реку Тэдон.

Каких слухов не было! «Сметливые» городили: «Знаете, зачем он хлопочет? Чтобы искать слитки золота. Это он исподтишка спрятал в реке Тэдон во время войны, поняли?» Земля полнилась слухом – мол, на дне места слияния рек Потхон и Тэдон бизнесмен Сон Дэ Гван спрятал слитки золота, увы, в десятки килограммов. Что ни говори, мой отец, больше полумесяца занимался водолазными тренировками и уехал в Вонсан. Запрашивается вопрос: «Почему он решил в одиночку войти в морскую воду? Ведь можно было попросить это у водолазов». Ответ прост. Ему, дельцу, хотелось своими глазами уточ-

нить: что пригодное в потопленных во время войны кораблях, можно ли вынуть его из воды. На море перед Вонсаном еще полмесяца ему приходилось терпеть муки. По словам отца, он впервые занимался водолазными работами, и порой у него из ушей изливалась кровь. Наконец, ему удалось найти крайне нужное оборудование и уточнить даже его местонахождение. К делу подключились доки-водолазы, а также моторные суда. Самой большой и дорогостоящей из находок был двигатель.

Нужно было его перевезти в Пхеньян. Отец сделал себе длинную линейку и, взяв ее как трость, тронулся в путь – пешком. На дороге Вонсан – Пхеньян было много туннелей. Надо было измерять высоту каждого из подземных проходов. В своем блокноте он записал все цифровые данные о высоте каждого предмета: кузова грузовика (у автомашин кузов был разный), и загружаемого на него оборудования, в том числе самого большого двигателя, и потолка туннелей. Только два туннеля проехать было трудно. И он решил выбрать подходящую автомашину и чуть-чуть уменьшить высоту деревянных подпорок.

Так он шагал сотни ли (10 ли – около 4 км) до Пхеньяна. Ужасный отек ног, высохшие и растрескавшиеся губы в крови, обросшие черные усы, похожие на сапожную щетку… При виде его не на шутку удивились люди. Такой неприглядный вид плюс громкий хохот. Все, увидевшие его, просто ахнули.

Привезенные таким большим трудом механизмы и оборудование были неоценимыми, которые негде было достать. Скоро завод стал дышать. И в этот раз предприятие быстро приобрело живые ритмы и превзошло прежний уровень. Само собой разумеется, у него, как говорится, куры денег не клюют.

Мне хотелось бы подчеркнуть вот что: накопление денег частным предпринимателем в трудном экономическом положении послевоенных лет стало подмогой также в улучшении жизни населения, в восстановлении разрушенного хозяйства страны. Но не все согласились на мое суждение.

В то время мощный разбег взяло дело преобразования капиталистической промышленности и торговли на социалистический лад. Большинство частных предпринимателей и торговцев, не останавливаясь ни перед какими средствами и приемами, посягали на интересы масс трудового народа. Они совершали ряд порочных действий: одни дешевле закупали в деревнях такие продукты, как фрукты и мясо, а затем продавали их по высокой цене, другие – продавали продукцию не государству по заготовительной цене, а частным торгашам по несправедливой высокой цене, третьи – в сговоре с влезшими в органы власти неблагонадежными элементами не брезговали никакими способами и приемами, чтобы набить себе карман. Дело дошло даже до того, что они, имея себе тайную бухгалтерскую книж-

ку, обманули государство и не выплатили налоги. Эти спекулянты и мошенники злоупотребляли, главным образом, ценовыми рычагами, отказываясь от вступления в производственные кооперативы.

В апреле 1956 г. Ким Ир Сен, исходя из требования развивающейся революции, на III съезде Трудовой партии Кореи наметил курс на социалистическую перестройку капиталистической промышленности и торговли.

Ситуация была такая, и нет ничего удивительного в том, что отдельные люди смотрели на частный бизнес моего отца через призму предубеждения. Некоторые из руководителей с недоумением качали головой: «О нем больше, чем о других предпринимателях, проявлял заботу товарищ Ким Ир Сен – с первых дней после освобождения страны по сей день. И, естественно, ему следовало бы в поддержку курса партии на социалистическое преобразование первым вступить в производственный кооператив. А у него такого пока еще не видно. Непонятно, почему».

Об этом доложено Ким Ир Сену. Однажды в середине октября 1957 г. он направил на завод моего отца работника ЦК партии с заданием ознакомиться с положением дел на предприятии, а затем дал следующие указания: …может возникать вопрос: почему пока еще занимается частным бизнесом тот, кто должен раньше всех вступить в кооператив? После войны наша партия энергично продвигала вперед

как дело кооперирования сельского хозяйства, так и социалистическое преобразование частной промышленности и торговли. Что касается частного сектора промышленности и торговли, то виды занятий в нем в отличие от частного крестьянского хозяйства разнообразны. Стало быть, социальное происхождение работающих в этой сфере тоже неоднозначны. Да и разница у них в экономическом положении и уровне идейной подготовленности большая. Вот почему наша партия с учетом положения торговцев и предпринимателей нашей страны была вынуждена определить три формы промысловых кооперативов. Однако товарищ Сон Дэ Гван, как мне сказали, не мог вступить в кооператив ни второй, ни третьей форм, не говоря уж о первой.

Первая форма кооператива, продолжает он, в который входят в основном малоимущие ремесленники, не подходит ему, ибо он обладает определенным имуществом. Вторая форма носит полусоциалистический характер. Здесь доходы распределяются как по качеству и количеству затраченного труда, так и в зависимости от размера внесенного пая. В этом случае у товарища Сон Дэ Гвана будет больше доли распределения, а у других, вступивших в кооператив с пустыми руками, ее будет меньше. Поэтому совесть не позволила ему вступить в кооператив второй формы. Третья форма – это полностью социалистическая. Здесь средства производства и деньги становятся общей собственностью кооператива, а доходы распределяются только по

количеству и качеству затраченного труда. И поэтому политически незрелые частные торговцы и предприниматели не осмелились с самого начала вступить в этот кооператив. Товарищ Сон Дэ Гван, конечно, мог бы вступить в кооператив третьей формы, но от одного человека нельзя же образовать кооператив…

Далее Ким Ир Сен сказал, что мой отец, когда был выдвинут курс нашей партии на кооперирование хозяйства, высказался о своем намерении первым безвозмездно сдать государству все свои деньги и средства производства, но с учетом возможного его влияния на других торговцев и предпринимателей ему было предложено пока временно заниматься частным предпринимательством и вести нужную подготовку к управлению производственным кооперативом сравнительно большого масштаба при случае перехода на высокую форму кооператива. В тот день Ким Ир Сен еще раз с высокой оценкой напомнил, что мой отец во время войны выпуском шприцев, ампул и других материалов внес вклад в обеспечение спроса военных лет, во время внедрения в деревне метода выращивания рисовой рассады в сухом закрытом грунте построил бумажную фабрику с целью выпуска промасленной бумаги для рассадников и что он за счет производства разных видов стеклянных изделий активно содействовал строительству социализма.

Указания вождя дали моему отцу еще раз испытывать чувство

счастья предпринимателей, живущих под руководством великого вождя, и клясться еще лучше трудиться. Его взяла мысль: «Одно время я как «денежный человек» поклялся содействовать делу государственного строительства, а теперь стал не только «денежным», но и «сильным». Чем лучше работаю на моем заводе, тем действеннее могу осуществлять помыслы родного вождя. С новой, удвоенной энергией трудиться и трудиться! Скорее создать производственный кооператив и внести активный вклад в строительство социализма!»

И мой отец стал организатором Пхеньянского промыслового кооператива по выпуску промтоваров и при его создании сдал государству весь свой пай в сумме 5 млн. вон.

Так, в его судьбе произошел переворот – из него, частного предпринимателя, сделался социалистический труженик, самоотверженно служащий на благо Родины и народа, сделан еще один большой шаг вперед, но не сам собой, не без никаких перипетий. Прежде чем сдать государству 5 млн. вон, весь свой вступительный пай, отец долго обдумывался, как мне сказал он сам. Ведь это было все, что у него в руках. В кармане своем ни копейки не оставил. Раньше он пожертвовал много миллионов вон в качестве денежной помощи, но оставлял у себя, как правило, деньги для нового предпринимательства. Но теперь дело другое – он вступил в производственный кооператив, предприятие в системе экономики социалистического уклада, и частный бизнес

уже кончен. То есть больше не было нужно частного капитала.

Однако у моего отца были семеро сыновей и дочерей. Ему хотелось бы раздавать каждому из детей соответствующую долю имущества. Почему бы и нет! Он отец! Когда они начнут самостоятельную жизнь, ему, по-моему, хотелось бы дать им, пусть не крупные деньги, а то, что крайне нужно для новой семьи, нового хозяйства, – скажем, мебельную гарнитуру, набор кухонной утвари и т. д. Тут нет ничего предосудительного! Ведь это вполне естественное дело для родителей, у кого есть дети.

О своих душевных переживаниях тех дней мой отец в своем выступлении на Общереспубликанском слете актива работников местной промышленности и производственных кооперативов, что проходил в середине октября 1959 г. в присутствии Ким Ир Сена, рассказывал: «Я был председателем правления кооператива. Но днем в кооперативе работал за социализм, а ночью дома меня тянуло к капитализму – думал и думал о своем пае в сумме многих миллионов вон. Но я, наконец, сдал кооперативу все мои деньги, и мне казалось, будто с плеч свалилась большая гора. Теперь у меня в душе так легко, что могу взлететь ввысь к небу».

Слушая его, Ким Ир Сен с громким хохотом говорит: очень хорошо, что товарищ Сон Дэ Гван сдал кооперативу весь свой вступительный пай. Затем он первым ему аплодировал. Весь зал потрясли

бурные рукоплескания. Да, это было щедрой похвалой в адрес моего отца, шедшего по пути патриотизма, было благословением будущего пути его настоящей жизни.

Ему трудно было, но не испытывал усталость. И он, как правило, говорил своим детям: «Люби свое дело!», «Любишь дело – не устаешь», «Не говори – трудно!»

Вот так он трудился. Отдал все – и заработанные им деньги, и свою совесть. Только трудился прилежно и честно на благо Родины и народа, не надеясь на какую-то громкую славу или служебную должность.

И он, бывший толстосум, частный предприниматель, которого когда-то многие считали объектом ликвидации, смог быть удостоен высокой чести – стал членом Трудовой партии Кореи. Иными словами, вчерашний бизнесмен стал сегодня патриотом.

И на склоне лет

С 1961 г. кооператив, председателем правления которого был мой отец, переименован в кооператив по стекольно-оптическому производству. Его продукция – стекла очков, разного рода линзы и другие стекольные изделия.

Это было в один из первых дней марта 1969 г. Ким Ир Сен вызвал по телефону одного сотрудника ЦК ТПК и сказал, что сейчас

партийцы старого возраста при всем желании не могут читать из-за отсутствия очков для дальнозорких, да и нет фабрики, где производят очки, в частности для дальнозорких, нигде их нет в продаже. И советовал ему выйти на вышеупомянутый кооператив и узнать, сколько очков можно производить там, особенно для дальнозорких, конкретно – чего не хватает и какая проблема может встать в организации их производства, сколько очков можно сделать при создании всех необходимых условий?

Указания эти были выражением горячей любви, глубокого доверия к моему отцу. И он, с одной стороны, чувствовал, как увлажняются у него веки, а с другой – не мог не испытывать угрызения совести. Да и то сказать, как показывает само название кооператива, он занимается стекольным и оптическим производством, так что ему следовало бы обращать должное внимание на очки – те, которые насущно необходимы людям. А он, мой отец, как никто другой чуткий к запросам людей, не повернулся к этому лицом.

Какое это было время? Из ворот предприятий страны вереницами выходили автомашины, тракторы, бульдозеры, экскаваторы и электровозы, и заводчанам пришлось снести старые узкие заводские ворота и построить новые – широкие. На электропечах вскипел металл, в море вышли новые рыболовные флотилии, землю потрясали с грохотом прессы давлением в несколько тысяч тонн, демонстрируя

свою внушительную силу. Время такое бурное, и никто не повернулся лицом к таким вещам, как очки. Вопрос с очками считался «мелким», «второстепенным».

Мой отец, получивший дельные указания Ким Ир Сена, упрекал себя, объятый думой: «Я еще далек до постижения его великих помыслов». На первой странице своего блокнота он записал указания Ким Ир Сена, данные им в связи с вопросом очков для народа.

Какая это сердечная просьба! Какой добрый человек наш вождь-отец! Он с высокими личными качествами, находясь в гуще народа, делит с ним горе и радость, трудится на благо народа. Всем сердцем глубоко осмысливая его слова, мой отец день и ночь был на ногах, бегал и бегал за приобретение необходимого оборудования и поиск специалистов этой отрасли.

В то самое время Ким Ир Сен направил на фабрику талантливых специалистов и бесценное оборудование. Значит, и в этот раз фундамент нового дела создал не кто иной, как Ким Ир Сен. Это дало моему отцу огромную силу в наращивании производства продукции. В те дни он был так занят делами, что даже не мог интересоваться вопросом о будущем моей жизни.

О том, что отец очень старался воспитать из меня, Сон Сон Хи, самой любимой младшей дочери, артистку, уже вышеупомянуто. Вначале он, как мне сказали, обрисовывал перед своими глазами

меня, будущую танцовщицу, которая танцует, словно красивая бабочка, на арене Большого театра под овациями бурных аплодисментов зрителей и получает букеты цветов. Но, к сожалению, он не мог додуматься до того, что я, дочь его, подрастая, толстеет в бок. Однажды он убедился в училище, что из меня не выйдет талант хореографии. И я переведена в музыкальную группу. И я по вечерам дома брала уроки у виолончелиста Ли Ён Су из Государственного симфонического оркестра, считавшегося в то время лучшим виртуозом в стране. Так внимательно заботился о будущем моей жизни мой отец.

А он в этот раз стал иным. Даже тогда, когда я скоро окончу училище, может быть, он доволен ли тем, что я, даже взявшая уроки у профессионала, стала виолончелисткой первой руки? Оттого ли однажды как бы вскользь спросил меня: «Теперь ты пойдешь в консерваторию?» «Нет, не хочу», – я качала головой. Слышал он это нежданно-негаданно. Но этому он совсем не удивился. Думается, ему не было бы разводить руками. В то время отец, взяв на себя обязательство дать 1 млн. шт. очков в год, денно и нощно был в ударном труде. Все думы только об очках. И, возможно, мой ответ «Нет, не хочу» прозвучал у него в ушах, как «Что и говорить!»

Да, отец мой вплотную взялся за дело, если того желает Ким Ир Сен, и отложил всякие другие дела на задний план. Тем более, что теперь он член ТПК. Тут нечего говорить!

Минул целый месяц. Отец обратился ко мне с вопросом: «Ну как учишься в вузе?» И в этот раз он задал мне вопрос безразлично, без особого интереса, заполняя свой блокнот какими-то цифрами. Я говорю: «Вроде ничего». Ответ мой на его вопрос был явно туманным, неточным. Но он больше не спрашивал, продолжал опять что-то записывать.

Прошел еще месяц, может быть, больше. В папином кооперативе производство очков подходило к миллионному рубежу. Ба! Лишь тогда отец знал, что я учусь в Моранском повышенном медицинском техникуме. Я вижу – вмиг отец очень удивляется. Его вопрос: «Не в консерватории, говоришь? А как с виолончелью?»

Я, улыбаясь, объясняю мой выбор. Аргумент мой, между прочим, довольно абсурдный и странный. «Па, представь себе, – говорю я, – обо мне, маэстро виолончели, которая возвращается с зарубежных гастролей. С трапа самолета спускаются актрисы, такие стройные по фигуре, как ивовый листок. А среди них я такая полная, как кувшин. Ужас будет какой! Даже при мысли об этом стыдно!»

Послушав меня, отец не на шутку ахнул: «Ух, ты какая!» Раздался странный, короткий смех отца. Он, чмокая губами, говорит: «Раз так, то все вы, дети мои, медики-то?» Тут же отец пошел на завод. Ему было не до долгого разговора. Коллектив предприятия – в ударном

труде. Все – на выполнение сердечных указаний Ким Ир Сена.

Наконец, предприятие дало стране миллион шт. очков. Доложено об этом вождю. В тот день, когда он дал высокую оценку с благодарностью, отец сказал нам: «Очки – это, конечно, не большая вещь, не дорогостоящая драгоценность. Но они мне видятся словно сокровища. Те, которыми дорожит товарищ Ким Ир Сен. Теперь, кажется, и мои глаза зоркие. И в моих глазах обычные стекла – сгусток великой любви к народу!»

С той поры прошло 10 лет. Я, занимаясь оптикой, начала часто вспоминать то, о чем рассказывал мне в тот день мой отец, – о стеклах очков и великой любви к народу. Думается, отец мой, несомненно, хотел сказать, что Ким Ир Сен открыл ему, партийцу, глаза на верное, искреннее служение народу.

Да, он, великий вождь Ким Ир Сен, повел отца, в прошлом связанного деньжатами, на путь настоящего патриота, а затем открыл ему, – раньше он смотрел только на деньги, а теперь стал членом ТПК, – глаза на самоотверженное, верное служение народу. Он, окруженный столь великой любовью вождя, день ото дня твердой гордой поступью шел по пути второй половины своей жизни.

В том году я, воспитанница повышенного медицинского техникума, встретила 19-ю весну в жизни. Выпуск буквально на пороге. Я дома готовлюсь к выпускному экзамену. Вижу – входит в комнату

отец, очень взволнованный. Я, увлеченная подготовкой к экзамену, спрашиваю: «Как ты, па, так рано вернулся?» В ответ: «По дороге на завод. На минутку. Вдруг хотелось бы послушать звуки твоего пианино».

Неожиданность не могла не удивить меня. Ведь я, как мои старшие братья, выбрала путь к медику. Такую дочку он просит играть на пианино! Первый раз! И вот я сижу за пианино и после минутного раздумья начинаю играть музыку Бетховена «К Элизе». Хотела повеселить отца. А тут же отец качает головой. Понятно, что эта музыка ему не нравится. Мне в голову пришла мысль: отец всегда больше любит корейские народные песни. И мои пальцы бегают по клавишам – слышится веселая мелодия «Янсандо». Но и в этот раз отец опять качает головой. Откинувшись к спинке кресла, он закрывает глаза. Что с ним случилось, мне непонятно, но, как мне кажется, он силится успокаивать самого себя. На этот раз я беру виолончель и только безмолвно гляжу на отца, сидящего с закрытыми глазами. И вот у меня мелькнула мысль: может, отец еле-еле удерживает ли хлынувшие слезы? Казалось, он старается сдерживать взволнованное чувство. «Что с тобой случилось, па?» – тихо спрашиваю. «Да, было дело», – вдыхая, коротко отвечает отец. Он, открыв глаза, смотрит на меня и вдруг словно шепотом говорит: «Знаешь, дочка, сегодня партия важное задание поручила мне, твоему отцу. Именно твоему

отцу! Доверие какое высокое!..»

«Вот как!» – блеснула мысль во мне. Теперь все понятно. Лицо у отца так покраснело именно от безмерного счастья, несказанной радости. Говорят, старость не радость, – и у него дает о себе знать недуг. А теперь у него лицо горит огоньком хлынувшего волнения. Отец глубоко вдыхает и опять тихим голосом говорит: «Доченька милая! Помнишь, какую песню я люблю? Ту, которая начинается так: «Утречком ранним зорьки…» Ну-ка ее исполняй!»

Ждал он звучания песни «Будем верны поколениями». Я настраиваю виолончель, канифолю смычок и слегка вдыхаю. Вижу – отец опять откидывается головой на спинку кресла и закрывает глаза. Из его слегка закрытых глаз льются струйки слез. Отчего-то и у меня на глаза навернулись слезы. Я начинаю потихоньку водить смычок по струнам инструмента.

Утречком ранним зорьки алыми цветут –
Наши думы – о той доброй улыбке твоей.
Звездочки с небес тиши улыбки нам шлют –
Мы тоскуем все по любви той теплой твоей.

В слезах и отец, и я. Не только мы. Весь наш народ эту песню поет со слезами на глазах. Думаешь о той светлой, доброй улыбке –

не сдерживаешь волнения. И отец, про себя подпевая эту песню, дает волю слезам. И моя душа наполнилась слезами от радости и счастья, пролитыми отцом.

Кончилась музыка. Отец, по-прежнему неподвижно сидевший, встал с места и, положив мне на плечо свою большую руку, говорит: «Раньше товарищ Ким Ир Сен так глубоко доверял мне, твоему отцу, так высоко ценил мой труд, а теперь товарищ Ким Чен Ир так глубоко заботится обо мне. Какая большая благодарность, какая большая забота! Не знаю, чем оправдать это доверие. Я пойду. Там меня ждет трудовая вахта. Не жди меня больше».

И он тут же пошел на завод. Разве какое доверие так сильно взволновало моего отца?

В то время, когда встал вопрос производства стеклянных декоративных изделий, необходимых для оформления монументального архитектурного комплекса, многие думали: изделия стеклянной декорации, требующие высокого качества и утонченного технического мастерства, лучше импортировать из-за рубежа. Их взяла мысль: «Это дело незнакомое, да и у них нет опыта. Возьмутся они за дело – только уйдет впустую много времени. И, в конце концов, не будет обеспечено намеченного ввода в строй театра. Лучше бы импортировать».

Об этом доложили Ким Чен Иру, и он сказал работникам: поручим это задание Пхеньянскому кооперативу по производству сте-

кольно-оптических изделий, где работает товарищ Сон Дэ Гван; с первых дней после освобождения страны по сей день у него не было случая, когда не выполнялись бы задания товарища Ким Ир Сена.

Нет ничего большего доверия, чем это! Ким Ир Сен окружал моего отца бесконечной заботой и глубоким доверием. А теперь неизменно ведет его за собой Ким Чен Ир. И он, мой отец, человек старого возраста, вернул себе молодость в своей жизни. Слишком рано пришедшая к нему болезнь исчезла, как сняло рукой. Воскресла в нем живая молодость. Так сказать, он встретил новую весну в жизни.

В том году я встретила 19-ю весну в жизни, а отец – 62-ю. Поговорка гласит: «Стареет дерево – возникает дупло». Но в 62-м году жизни мой отец встретил новую весну в жизни. Да, забота великого Ким Чен Ира – это, я бы сказал, тепло Солнца, которое дает свет человеческой жизни, чтобы она цвела, как весенний цветок! И вот в тот день мой отец со слезами на глазах слушал музыку «Будем верны поколениями». Со слезами от радости, от счастья. Мне очень жаль, что не могу ярко выразить отчую душу того дня.

Отец с приливом новой силы приступил к ударному труду по выпуску стекольных бусин. Лицом к лицу, бок о бок, вместе с рабочими и специалистами составлял чертеж, шлифовал вручную, напильниками. Так шли дни и ночи в ритмах ударного труда. И, наконец, выпущено 100 тыс. штук стекольных бусин для роскошной орнаментации театрального здания.

Не только это. И факел Монумента идей чучхе, горящий всегда – и в дождь и в снег, во все времена года, рассказывает о большом доверии, оказанном Ким Чен Иром моему отцу. И я часто смотрю на него с чувством законной гордости. В то время, когда одному из стекольных заводов не удалось произвести прозрачное высокопрочное стекло для факела, работники думали импортировать его из-за рубежа. А как же сделать факел монументального памятника из иностранного стекла? Ведь этот монумент будет прославлять во веки веков немеркнущие идеи чучхе великого Ким Ир Сена!

И в тот раз Ким Чен Ир надеялся на моего отца, которому снова поручено почетное задание по изготовлению того стекла. Ему уже стукнуло 70 лет. Но он был уверен в том, что мой отец и впредь, как и раньше, оправдает доверие и ожидания своей верностью и чувством долга.

Всему миру известно, что высота факела этого монумента из стекла большая – равна высоте 5 – 6-этажного здания. Если учесть способность кооператива моего отца, изготовление такого крупного специального стекла было непосильной и огромной задачей.

Напомним, в то время в стране был Нампхоский стекольный завод, что несравненно крупнее, чем кооператив, где работает мой отец. Это предприятие было крупное как по технической оснащен-

ности, так и по мощности выпуска стекла большого размера. Однако Ким Чен Ир с доверием к моему отцу поручил это задание кооперативу. И мой отец без малейшего колебания ответил: «Сделаем! Непременно!»

Ответ был вполне уверенным. Но многие руководители, казалось бы, явно не уверенные в успехе дела, не скрывали беспокойства: «Задание слишком непосильное. Если не выполнится в срок задание, то …»

Скептики все время входили в его кабинет и выходили из него, оббивали пороги комнаты. Всех взяла обеспокоенность и тревога, но ответ отца был однозначным: «Сделаем! Безусловно! Это задание поручил мне великий Ким Чен Ир. Не так ли?»

Мой отец вместе с рабочими почти каждый день всю ночь проводил напролет. В то время был футбольный сезон. В разгаре шли футбольные матчи центральных команд. Раз здесь зашла речь о футболе, то не мешало бы на минутку упомянуть о нем. Отец был сплошным работягой, но его отличало одно – это, я бы сказала, лихорадочное увлечение футболом. Но это не значит, что он отлично играл в футбол. Наоборот, совсем не умел.

Когда-то в праздник кооператив устраивал пикники на природе. Однажды руководители кооператива в двух командах соревновались в штрафном ударе по футбольным воротам. Один из них забивает мяч, а другой отбивает его. На газоне поставили небольшие ворота вроде

футбольных. Расстояние – около 5 м. Началась игра. Первым забивает мяч мой отец, председатель правления, а вратарь – парторг. Все зрители ожидали блестящего удара отца – страшного «футболомана». И азарт болельщиков горячий. А тут батюшки мои! Все обезживотели, увидев «навыки бомбардира». Он забил мяч так мощно, что его ботинок носком воткнулся в газон и рассыпал землю во все стороны. А мяч так и не докатился до ворот… Разбросанная песчаная земля попала парторгу в рот, и он совсем растерялся. И он кружился, закрыв лицо руками. С той поры к моему отцу прикрепилось прозвище «председатель по футболу». Если игроки кооператива проиграют в матчах, то мой отец, «футболоман», не подпустил их даже к заводским воротам. Этот «футбольный фанатик» однажды сказал: «Знай, я пошел на важное собрание», а прямо направился на стадион смотреть финальный матч центральных команд. Эта «ложь» выведена на чистую воду в часы прямого эфира – на голубом экране появился отец, сидящий на трибуне стадиона. Он столь страстно болел за команду, что телеоператор не раз направлял объектив камеры на него.

В футболе ему больше всего понравились порыв настойчивой атаки, выносливость и стойкая воля игроков. У футболистов, неутомимо до конца бегающих по зеленому полю, он, может, заметил какие-то сходные с его характером качества.

Однако во весь период трудовой вахты по выпуску высокопроч-

ного прозрачного стекла ему ни разу не удалось посмотреть футбольные матчи. Нет, не хотел этого. Ему говорили: «Будет финальный матч». А он, страшный «футболоман», отмахивается от предложения и говорит: «Что мне до этого? Смотри! Я тоже с мячом. Только забить в ворота – и все!»

И, наконец, он «забил мяч». Гол! Девятое испытание увенчалось успехом. Получено высокопрочное прозрачное стекло с равномерным распределением напряжения. Попробовали уронить с 102-сантиметровой высоты стеклянный шар величиной с теннисный мяч (900 г.), но он не разбился. Даже трещинки вроде паутинной нити не было. В другой раз положили листовое стекло площадью в 1 кв. м на два кирпича с обеих сторон. На нем встал человек весом в 70 кг, но опять стекло не было разбито. Встал второй человек рядом с первым, но ничего не случилось. Третьим стоял мой отец. Лишь тогда, говорили, раздался какой-то треск, и мой отец сошел с него.

В день, когда доложили об этом Ким Чен Иру, мой отец вместе с рабочими и специалистами завода сфотографировался на память. В общем-то он не любил фотографироваться. Избежал фотографов и кинооператоров. Но на этот раз он не отказался сфотографироваться. Снялся с законной гордостью за усилия кооператива, посвященные изготовлению факела Монумента идей чучхе. Снялся с думой о том, что вся его жизнь подытожена в пламени факела.

Мой отец часто со слезами говорил нам: «Всю жизнь до гроба мне не забыть проявленную обо мне заботу».

И ныне я не могу смотреть равнодушно на каждую стеклянную бусину, каждую люстру, стеклоблок в монументальных архитектурных комплексах. Устремляю свой взор на факел Монумента идей чучхе – не могу сдерживать хлынувшее волнение. Мне хотелось бы с гордостью, громогласно кричать: вся жизнь моего отца была достойной и славной.

3. БЛАГОСЛОВЕННАЯ ЖИЗНЬ

В каком-то году состоялась встреча моего отца с зарубежными бизнесменами-соотечественниками. Тогда зарубежные гости, увидев, что у моего отца заиграла улыбка, но на глазах блеснули слезы, спросили: «Вы выглядите поистине счастливым. Всякий бизнесмен, как правило, ни на минуту не чувствует покоя в душе. Теперь скажите, пожалуйста, что принесло вам такую светлую, спокойную жизнь?»

В ответ мой отец, как мне сказали, начал свой рассказ с шутки: «Мудрецы древних времен говорили: «Человек неспроста имеет пару глаз, ушей, рук и ног. В этом есть свой резон. Имеются оба глаза для того, чтобы отличить истину от лжи; оба уха – в одно слушать, а мимо другого пропустить; обе руки – из одной сдавать, другой получать; обе ноги – поддержать друг друга, ибо стоять на одной ноге рискованно».

Его шутка развеселила всех гостей, и они весело рассмеялись. Среди них был скептик, который с сомнением спросил его: «Это сказали, как мне кажется, не мудрецы старых времен. Это, по-моему, придумали вы сами, господин Сон. Не так ли? Скажем, имея в виду бизнесменов».

Отец, улыбаясь, отвечает: «И в любые времена раньше судьба

предпринимателя была такая, что огонек свечи на ветру. Когда и как погаснет эта свеча – ему неизвестно. И у него, обеспокоенного, как правило, сжимается сердце, ему покоя не дается ни на минуту. Нервы держатся всегда востро, чтобы не быть обманутым. И еще: на него указывают пальцем – мол, вишь, он человек какой! Да и бьется, чтобы найти себе доверчивых коллег. Значит, не будет преувеличением сказать, что мой рассказ о паре глаз, ушей, рук и ног имеет в виду предпринимателя. Но я перестал беспокоиться, как бы я не дал себя чьему-то обману. Ибо я предпринимательством занимаюсь именно на социалистической Родине. Мать своих детей не подведет. Так, почему Родина-мать обманет, обведет вокруг пальца меня? Да и незачем на меня указать пальцем. Это потому, что основная цель моего предпринимательства – больше принести пользы социалистической Родине. Больше зарабатывал я денег, но у меня не было никакого опасения банкротиться. Не было ни минуты, когда сжималось у меня сердце, опасаясь, как бы моя судьба не гасла, как свеча на ветру. В жизни ни разу не было нервного беспокойства. Потому что о всей моей жизни постоянно заботятся великий Ким Ир Сен, великий Ким Чен Ир. Ребенок не падает, когда отец берет его за руку. Всю жизнь я не сбился с пути, сумел пойти прямой дорогой».

Мой отец подробно рассказывал им о своем овеянном славой жизненном пути, о том, как он, простой предприниматель-частник,

окруженный заботой и вниманием Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, вырос патриотом, членом ТПК. В конечном счете, мой отец мог зарабатывать большие деньги, с ними самоотверженно служил Родине и народу, за что мог пользоваться любовью народа, которую не могли приобрести даже любые предприниматели на свете, на его долю выпали слава и счастье, незаменимые ни кучами золота.

Послушав его, все гости дарили моему отцу аплодисменты. Они, взволнованные его словами, говорили: «Вы, Сон Дэ Гван, стали единственным в мире «социалистическим миллионером», таким, который имеет как материальное, так и духовное богатство в социалистической Корее».

С той поры отец мой стал называться «социалистическим миллионером». И впоследствии продолжались любовь и доверие к нему, не изменялись его счастье, его безмерная честь. Когда ему перевалило за 70, ему поручили дело советника кооператива – такого, который на заслуженном отдыхе помогает труженикам своими техническими навыками и опытом. Но он не оставался простым второстепенным «советчиком», а неизменно мчался впереди других. Отец не у дел немыслим. С затаенной мыслью выходил на работу, безмолвно возвращался с завода.

О таком моем отце не забыл великий Ким Чен Ир. Он, узнав о делах и жизни моего отца, предложил опять поручить ему должность

председателя правления.

В тот день мой отец в первый раз после прекращения выпивки получил рюмку водки от своих детей. Подняв ее дрожащей рукой, он оглядывал своих семерых детей, сыновей и дочерей, внуков и внучек. И ныне я не могу забыть, как в ту минуту его глаза увлажнялись. Ему было 74 года, но он не скрывал своих горячих слез. Зачем скрывать слезы? Тихо всхлипывая, он выпил водку со слезами, падающими капельками в рюмку.

Спустя несколько дней отец, довольно посерьезнев, говорил нам: «Поговорка гласит: «Старая лошадь знает дорогу перед собой». А я сейчас, мысленно оглядывая пройденный путь, чувствую себя виновным – недовыполнил свое дело. Некому из вас передать мое дело…»

Его слова, правду сказать, дали нам сильный душевный толчок. Тогда я в первый раз чувствовала в себе стыд за свое самохвальство. Я спросила себя: «Разве твоя профессия врача альтернатива выбора? Ты, конечно, не сын, а дочь. Ты думала ли, что сама не обязана принять отцовскую эстафету?..»

Это, прежде чем быть обязанностью, представляло собой вопрос совести и морального долга. Отец, казалось бы мне, хотел, чтобы хоть сейчас кто-нибудь из его 7 сыновей и дочерей выступал продолжателем его дела. Ему, быть может, хотелось бы все-таки из поколения в поколение оправдывать оказанное ему доверие – ведь вся

его жизнь благословлена вождем.

Я, наконец, решила изменить свою профессию – ремонтировать очки. На реализацию этого решения ушло несколько месяцев. До того меня звали «доктором», «доктором Сон». А теперь стала ремонтницей очков в Моранбонском производственном кооперативе по бытовому обслуживанию. Среди мужчин – ремонтников авторучек и изготовителей печати – я оттачивала стекла и щипцами вставляла их в оправы.

Это удивило многих. Кое-кто из них сказал: «Она в своем уме?» Иные смотрели на меня жалостливым взглядом – мол, она, видимо, получила какое-то взыскание. Да, легко сказать, но принять такое решение, пойти на это дело было трудно.

Отец был очень рад, ему понравились мой выбор, мои поступки. На тех, кто недопонимает мое дело, он сердито кричал: «Сон Хи права. Ее не трогать!»

Я три года работала ремонтницей очков. Наконец, я решила открыть мастерскую по ремонту очков. И в этот раз первым поддержал меня отец, который сказал: «Что ни говори, не отступай от принятого решения!»

Я сама приобрела нужные материалы. Помогали мне столяры и штукатуры. Ночью я стала «вахтершей», готовилась к делу на следующий день. И создана мастерская, на побеленную известью стену повешена скромная вывеска «Кэсонская мастерская по ремонту очков».

С тех пор за три года мы сделали сотни тысяч штук очков для рабочих предприятий и работников научно-исследовательских институтов, органов печати и информации, крестьян, ученых, преподавателей, журналистов, дорожников всей страны.

Ким Чен Ир высоко оценил сделанное нами. Для обеспечения растущего спроса жителей на очки он указывал, чтобы у подножия живописной сопки Моран построили магазин «Оптика». Теперь этот магазин часто посещают наши и иностранные гости, оказывают нам всевозможную помощь – как материальную, так и духовную – также зарубежные соотечественники. Рассказу о нашем магазине не будет конца. Но, я бы сказала, нам предстоит больше дел, чем сделанное. Оно не более чем начало дела.

Благодаря огромному доверию и заботе Ким Чен Ира мой отец старого, 74-летнего возраста снова начал работать председателем правления крупного предприятия, имеющего тысячи рабочих. И когда ему перевалило за 80, он неизменно с живой энергией работал.

Следы его жизни остаются во многих районах столицы Пхеньяна, всей страны.

Он часто говорил: «Как хорош социализм!» Эти слова он повторял, как по привычке, каждый раз при виде новоселья простых рабочих на новопостроенных улицах, очков для подводного плавания

у детей в бассейне Водно-оздоровительного комплекса «Чхангванвон», при входе в платформу метро. Это, пожалуй, было похвалой в адрес благодарного социалистического строя, ради которого он отдал всю свою жизнь. Это, наверное, было выражением гордости за свою прожитую жизнь, овеянную славой в окружении безмерной теплой заботы великих вождей, следы которой остаются в окнах домов счастливых людей, стеклянных бусинах и очках.

Здоровье отца постепенно изменялось к худшему. Давно ему перевалило за 80. Здоровье от него ушло далеко, а старческая болезнь к нему слишком вплотную прикрепилась. К тому времени я участвовала на Общереспубликанском слете передовиков коммунистической нравственности. Отец мой, лежа в постели, посмотрел свою дочь на голубом экране.

После слета я прибежала в дом к отцу. Он, крепко взяв мои руки в свои, долго и долго их не отпускал. С увлажненными глазами хриплым, взволнованным голосом он говорит: «Ты, доченька милая, еще раз прославила мое дело. Было много звонков. У вас, говорили они, замечательная дочь. Ты первой из награжденных, говорили, получила орден Государственного Знамени I степени. Каков отец, такова и дочь, похвалили тебя».

Отец, гладя рукою по ордену Государственного Знамени I степени, который я получила, добавляет: «Ты, доченька моя, должна понять, какая это высокая награда. Товарищ Ким Чен Ир наградил тебя за отличие в делах, надеясь, что ты будешь еще лучше трудиться. Так и знай».

Затем он торопит меня на работу. «Ты на слете выступала с речью, – говорит он. – Так что быть здесь у меня тебе не годится. Иди на работу. И я скоро встану и работать буду».

Однако и его застал день, когда ему пришлось прекратить работу. В январе следующего года болезнь свалила больного. Стояли трескучие морозы. Цвет лица больного, впавшие глаза, помутневшие зрачки предвещали смертный час. А вдруг из его рта вырвались слова: «Вернись и работай! Живо!»

Таким был мой отец. В предсмертную минуту больному как обычно хочется видеть рядом самых близких людей, жену или детей. Так почему бы он этого не пожелал? Подобного не хотел он – человек, который ничем не интересовался, кроме работы, и надеялся, чтобы дети вместо него еще больше и больше трудились, отвечали на заботу и доверие великих вождей практическими делами.

Так вел себя он и в день моей свадьбы. Многие гости во хмелю, поднимая тосты, шумели. А тут неожиданно прозвучали отчие слова: «С завтрашнего дня иди на работу». Этот сюрприз ошеломил всех присутствующих...

В тот день мы, хорошо знающие характер отца, не вымолвив ни слова, пошли на работу. Получив снова весть об отце, мы спешно

пришли к нему. Видим – он лежит почти без сознания. Он своим взглядом позвал детей поближе к себе. У его изголовья мы сидели тихо. Он четким голосом говорит: «Слушайте, дети мои! Знаете, о моей всей жизни так заботились великий Ким Ир Сен и великий Ким Чен Ир. Без этого я, несомненно, стал бы денегоедом, не знал бы о своей Родине, о своей нации. Товарищ Ким Ир Сен обещал мне довести меня до коммунистического общества. Но, к сожалению, до того дожить мне не суждено. Но у меня ничего досадного нет – я до сегодняшнего дня шел по указанному им пути».

Так ушел из жизни мой отец. Да, раньше он был не более чем частным предпринимателем, который всю жизнь находился на ногах, бегал и бегал только ради денег, а позже стал революционером, знающим, как дороги ему Родина, нация и вождь. Стал, как говорится, «социалистическим миллионером» – тем, кто пользуется любовью народа и вождя, которую не может снискать себе любой другой бизнесмен. На его долю выпали честь и счастье жизни, которые невозможно приобрести за громадные кучи золота.

Недаром говорят: «Познаешь всю полноту истины жизни – уже поседеешь». В последние минуты своей жизни у него, моего отца, на душе было нелегко, – его терзали думы, что он не мог полностью оправдать проявленную о нем заботу и любовь вождей.

Но щедрой любви к моему отцу не было предела. Светились

лучи великой любви, о которых даже и не могла мечтать наша семья, конечно же, и сама я.

Ким Ир Сен, получив скорбную весть о смерти моего отца, с глубоким соболезнованием послал покойному венок.

Ким Чен Ир предложил захоронить его прах на Кладбище патриотов. Чтобы вечно передавались заслуги моего отца перед Родиной и революцией.

При жизни мой отец, считая себя человеком обыкновенным, давно выбрал место своей могилы. А вот Ким Чен Ир, высоко оценив его заслуги перед Родиной и народом, поставил его на вершину славы. Все мы были в слезах. Не могли сдерживать хлынувшие слезы и те, кто пришел выразить соболезнование. Наконец, наступил час вынесения гроба с телом покойного на кладбище. Государственный духовой оркестр исполняет траурную музыку. За машиной с гробом следует вереницей множество легковых машин. В той похоронной процессии я обрисовываю перед собой холм, куда идет мой отец, чья жизнь прошла в окружении любви великого человека, – холм славного бессмертия, Кладбище патриотов.

Если не было бы великой любви, он был бы отвергнут как частный предприниматель, связанный цепями денег. Я, прижавшись к гробу, с громким рыданием говорю: «Знаешь что? Знаешь, куда ты идешь? На Кладбище патриотов! Слышишь меня? Открой глаза хоть

разок! Хоть на секундочку смотри вон, отец мой!..»

Стояли лютые морозы, но лучи солнца были теплые. Солнце над Кладбищем патриотов, покрытым белым снегом, испускало щедрые лучи…

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сон Дэ Гван, мой отец, окруженный глубокой заботой великих вождей, ни разу не сбился с пути и пришел к славному финишу, пройдя по прямой дорожке человеческой жизни. Но забота о нем продолжалась.

В сентябре 1998 г. великий Ким Чен Ир, возвращаясь с далекой фронтовой инспекции, остановил машину у перестроенного Кладбища патриотов. Он более 4 часов осматривал мемориал до вечерних сумерек. Глядя на каждую литографию покойных, он вспоминал об их чувстве патриотизма, высоко оценил их исторические свершения. Перед литографией моего отца лидер страны высоко оценил его жизнь и дело: этого патриотического бизнесмена хорошо знал товарищ Ким Ир Сен; товарищ Сон Дэ Гван сделал многое.

О том, что Ким Чен Ир посетил Кладбище патриотов, широко сообщали СМИ. Мы, семеро братьев и сестер, с цветами поехали на мемориальное кладбище, где покоится мой отец. Мы медленными шагами шли по маршруту, пройденному лидером страны. Шли, запоминая имена широко известных людей – руководителей партии

и государства и армии; самоотверженных борцов за свершение священного дела воссоединения Родины, выдающихся деятелей науки, литературы, искусства и т. д. Нас больше и больше волновал тот факт, что на этом бугорке бессмертия, что называют зарубежные соотечественники «кладбищем знатных людей», покоится и прах моего отца.

И вот перед нами – памятник моему отцу с литографией. Она с прежним, свойственным ему взглядом смотрит на нас. Я, возлагая цветы к постаменту памятника, не могла оторвать своих глаз с отчей литографии. Спросила его моя душа: «Па! О чем ты думаешь?» Так я разговаривала в душе с отцом. Как будто я слышу его тихий голос: «Сон Хи! Прошу и еще раз прошу. Вместо меня будь беззаветно верной великому Ким Чен Иру. Ваш долг – из поколения в поколение оправдывать глубочайшее, как небо, его доверие. Не забудьте вот что – любой, кем бы он ни был, может оказаться в объятиях великого человека, если он трудится на совесть на благо Родины и народа. Лишь в его объятиях каждый может наслаждаться счастьем человеческой жизни».

Я думаю и верю – здесь, на Кладбище патриотов, все познают вот эту непреложную истину жизни.

БИЗНЕСМЕН-ПАТРИОТ

Автор: Сон Сон Хи

Редакция: Юн Ён Ир

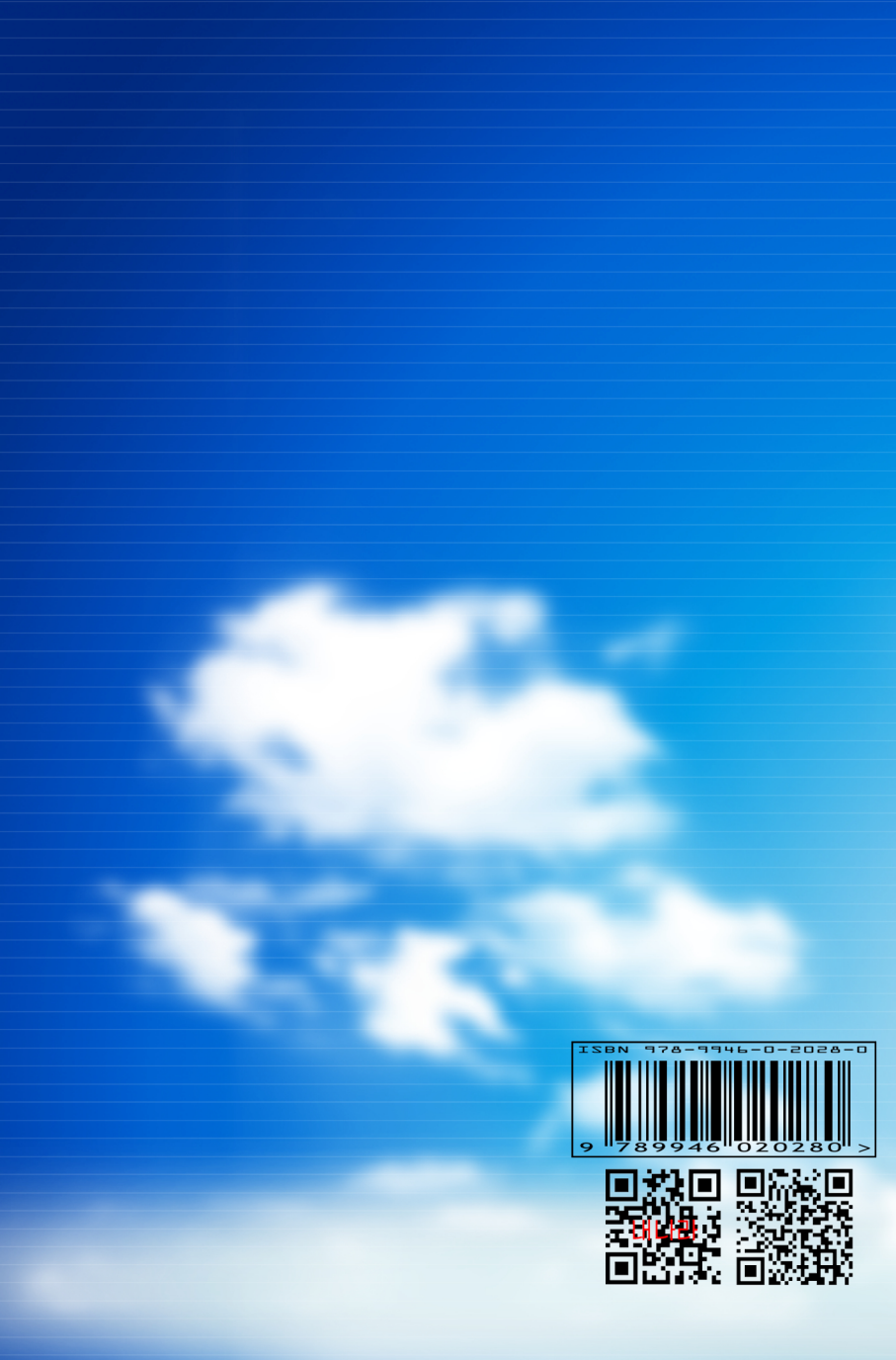
Перевели: Со Чхоль Чжин, У Чон Хван

КНДР, Издательство литературы
на иностранных языках

Выпущено в августе 110 чучхе (2021)

E-mail: flph@star-co.net.kp

http://www.korean-books.com.kp


ISBN 978-9946-0-2028-0
9 789946 020280 >